

Валентин Непомнящий: А имя России — все-таки Пушкин

Сегодня страна отметит 172 года со дня бессмертия поэта.

На протяжении десятилетий и теперь уже даже столетий Пушкин был не только «наше все», но и «наше всегда». Как-то я спросил Александра Кутепова: «Может ли когда-нибудь у нас в стране исчезнуть интерес к Пушкину?» И получил в ответ: «Разве что с исчезновением самой России». Почти в унисон со строками Давида Самойлова: «Пока в России Пушкин длится, метелям не задуть свечу».

Кутепов был уникальный человек. Народный артист России, он возвел в многолетнюю традицию чтение в день 19 октября в московском Музее Поэта своей лицейской композиции по Тынянову. И каждый раз — с неизменным успехом. Когда он умер, наша газета написала: «Ушел последний лицеист».

С этого личного воспоминания стартовал мой диалог с другим уникальным человеком, тоже большим другом столичного Пушкинского Дома. Но еще и с тревоги по поводу того, что, начиная с «лихих» (в соответствии с сегодняшним стереотипным определением) 90-х, все чаще слышится у нас: «А был ли Пушкин? Может, Пушкина и не было? Была лишь беспрецедентная долговременная пиар-кампания наших СМИ, сотворившая из него всенародного кумира?». Но теперь, мол, у нас иные времена и иные кумиры.

Последнее такое «сомнение» я услышал с телеэкрана буквально на днях. И со своей тревогой пришел к этому человеку не только потому, что ему на нее дано отвечать, так сказать, по должности — он возглавляет Пушкинскую комиссию Института мировой литературы РАН. Но и потому что считаю его самым ярким и глубоким из ныне живущих исследователей творчества и судьбы Поэта.

Мой собеседник — Валентин Непомнящий.

— Валентин Семенович! Понимаю: у того, что люди «объелись» Пушкиным, может быть причиной вся та дурь, которая буквально лезла из всех дыр и прорех в дни 200-летия поэта. И конкурс по восстановлению утраченных пушкинских строк, начиная со слов: «...они за рюмкой русской водки», проведенный одной водочной компанией. И портрет поэта под крышей большого универмага с тянущейся от шеи почти до земли мануфактурным шлейфом (получался Пушкин в гигантской ночной рубашке). И... Словом, все то, что позволило Виктору Шендеровичу воскликнуть: «Александр Сергеевич! Простите нас за наше все».

Но нет ли здесь и более серьезной причины? Не устали ли мы от великой культуры своей страны, от ее обжигающего облучения, вечно напоминающего: «душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь»? И, как некогда предсказывал Л. Гинзбург в своем «Геттингенском семинаре»: «Классиков можно убить чиновничествами, парадными чествованиями, тупой школьной зубрежкой, но бывает и так, что усталое общество уже не в состоянии хранить классику, духовные ценности выпадают из его обессиленных рук?»

- Во-первых, мысль о том, что Пушкиным «объелись», это неправда, которая нам навязывается. Ближайший пример: когда на канале «Культура» прошёл мой телецикл из 18 передач о «Евгении Онегине», на ТВ оборвали все телефоны, завалили редакцию письмами, вопросами: когда повторят? где купить? Дошло до того, что, как мне сказали, были выпущены диски (такое вообще-то не в обычаях канала). Нужно, правда, признать, что творческая группа компании «Альма матер», работавшая над циклом (режиссер Н. Шевченко, оператор Г. Зубанов, редактор и музыкальный редактор Н. Грешищева и художник Н. Ливитина), создала настоящий шедевр телеискусства. Я такого на нашем ТВ просто не помню. Так что народ продемонстрировал и горячую потребность в Пушкине, и, соответственно, необычайно высокий вкус. Какое уж тут «объелись»! Объелись другим...

Во-вторых, я совершенно согласен с Александром Яковлевичем Кутеповым, замечательным человеком, замечательным чтецом: Пушкин «кончится», только если кончится Россия. Лет сорок назад я так и написал: Пушкин — это Россия, выраженная в слове. Конечно, то же можно сказать о всей нашей великой классике. Но

Пушкин — это что-то совсем особенное. Гигантский, неслыханный гений и великий ум.

Не случайно он практически не переводим как поэт на другие языки. Шекспира, Сервантеса, Данте мы в хороших переводах узнаем. А вот адекватных переводов Пушкина на иные языки не существует. И не только потому, что русский язык — это прекраснейший, самый совершенный и самый сложный язык в мире, но, главное, потому что Пушкин есть нечто абсолютное в поэзии и вообще в слове. А абсолютное — оно по определению непереводаемо, непереказуемо ...

Нет, не скажу, что Пушкин «больше» или «лучше» Шекспира или Данте, тут другое. Просто он — выраженная в слове Россия, которую, по Тютчеву, «умом ... не понять, аршином общим не измерить», которая до сих пор загадка для всего мира — то раздражающая, то удивляющая, то восхищающая, но загадка. А точнее — тайна. И для нас самих тоже. Как и Пушкин, в котором выразилось вот это качество России.

Ведь она не случайно занимает на «теле» Земли место, названное heartland («сердечная область»). Не знаю, кто на Западе придумал это определение, но родилось оно именно там. И оно вправду соответствует не только геофизическому местонахождению и геополитическому значению нашей страны, но и ее духовной роли в судьбах человечества.

Речь идет о системе ценностей, которая лежит в основе русского и российского самосознания и которая сформировала русскую культуру. Эта система такова, что духовное в ней безусловно главнее материального, идеалы главнее интересов, нравственное главнее прагматического, совесть главнее корысти.

Поэтому, кстати, Русь в свое время приняла именно православное христианство. Христианское вероисповедание, охватывающее значительную часть планеты, существует в двух вариантах — западном и восточном. Я их обозначаю как рождественский и пасхальный. В первом главным событием является Рождество, когда Бог вочеловечился, воплотился в человека. То есть, «в меня», уподобился мне. Что мне, очень, конечно, лестно: значит, я достаточно хорош, или говоря рекламным языком, «я этого достоин».

А в православном, пасхальном христианстве (с перенесением событийного центра на Пасху) главное то, что Бог призывает меня уподобиться ему. «Возьми свой крест и иди за Мной», — говорит воскресший Христос. Это две диаметрально противоположные точки отсчета в системе одного, вроде бы исповедания. И здесь для меня — один из самых фундаментальных подходов к пониманию отношения современного человека, современного мира к Пушкину.

В «рождественском» варианте отсчет идет от себя, от своих интересов, от своего самолюбия: Бог уподобился мне, значит, я вполне хорош, становиться лучше мне не надо. У нас же отсчет — от идеала, от Христа, от Бога, которому я должен уподобиться. Гигантская разница систем ценностей.

Говоря это, я не имею в виду, что мы — лучше. Наоборот, мы нередко бываем гораздо хуже своей системы ценностей, недостойны ее. Западные же люди, в том числе и американцы, часто гораздо лучше своей ценностной системы. Но они этого не понимают, потому что считают ее самой правильной. А русский человек, с одной стороны, очень любит гордиться тем, что он русский, с другой — сознаёт своё достоинство и часто ругает себя и все свое самыми последними словами.

— У известного сатирика есть характерный эпизод: наш соотечественник битый час убеждает иностранца в том, как у нас все плохо, а когда, наконец, убедил, дает ему по морде за оскорбление любезного отечества.

— Да, это для нас характерно. Пушкин тоже вот скрипел зубами в одном из писем: у них там железные дороги, такой прогресс, а у нас — сплошное безобразие. Однажды даже так сказал: я, конечно, презираю моё отечество с головы до ног, - и тут же добавил: но мне досадно, если иностранец разделит со мной это чувство.

И Достоевский ох как знал о нашем безобразии, но при этом говорил так: русский человек безобразничает часто, но всегда знает, что он именно безобразничает, делает то, чего делать нельзя. То есть у нас точка отсчёта (осознаем мы это или не осознаем, не в этом дело) — не моё «я» с его интересами, корыстями и вывихами, а высокий человеческий идеал (реально воплощенный в Христе). И, делая плохо, мы, как правило, знаем, что это именно плохо.

Ведь если среди западных ценностей одна из важнейших (если не важнейшая) — пресловутое «качество жизни», как жить, то у нас - для чего жить. Независимо от сиюминутных желаний и личных убеждений у человека российской культуры в печенках, что называется, сидит потребность постигнуть смысл жизни и по возможности как-то ему соответствовать.

Вот это и есть «зерно» пушкинского творчества — от поэм 20-х годов, «Бориса Годунова», великой лирики до «Медного всадника» и «Капитанской дочки»: постижение истинного смысла жизни и проблема человеческого, моего соответствия ему. Это и сообщает слову Пушкина высоту едва ли не поднебесную, сопоставимую порой разве что со священными текстами (ведь, скажем, «Евгений Онегин» для нашей мирской культуры — примерно то же, что Псалтирь для богослужения).

Так что Пушкин есть действительно наиболее полное выражение сущности, души России. Не чувствовать этого может лишь тот, для кого русский язык уже не родной, а Россия — не более, чем «эта страна». И, конечно, появившиеся в кризисное для русской культуры время, на грани двух тысячелетий, попытки как-то отделаться от Пушкина, «перешагнуть» через него — это чистейшая смердяковщина.

— Как, в связи с этим, вы относитесь к тому, что, «всемирно» выбирая на ТВ «Имя Россия», телезрители не включили Пушкина даже в «призовую тройку»?

— Как ни парадоксально, но это телевизионное шоу, несмотря ни на что, дает надежду; оно свидетельствует, что эпидемии отрицания всего и вся, бушующие на просторах отечественной культуры, попытки спешно, пока народ не опомнился, провести ее «евроремонт» всё-таки не очень поколебали тот национальный миф (в хорошем смысле слова, в значении ключевого символа), которым для нас является Пушкин.

В этом мероприятии было много забавного. Было, например, трогательно наблюдать, как взрослые дяди, крупные чиновники, которые никогда в жизни, казалось бы, не должны задумываться над подобными вопросами, штудировали, как школьники, литературу, как школьники, волновались, старались ... И особенно это проявилось, когда дебатировался Пушкин.

Мне многие говорили: какую чепуху они там несли! Я же отвечал: не с той точки смотрите. Они и не могут сказать о Пушкине такое, что могло бы стать открытием. Не в этом дело. Важно, что все эти двенадцать «народных заседателей» или там «присяжных», люди разных убеждений, уровней культуры, характеров, в конце концов оказалось практически единодушным. В каждом из них, когда зашел разговор о Пушкине, проснулся человек. И отчасти — ребенок. С каким вдохновением Сергей Миронов читал отрывок из «Медного всадника»!

— Правда, путая текст, назвав «адмиралтейскую иглу», «адмиралтейском звездой»...

— Не будем придирааться. Главное — он это делал от души. И не один он. Это был, пожалуй, единственный случай, когда они все, как говорится, «слились в экстазе». Независимо от того, насколько они глубоко знают Пушкина, насколько много его читали, у них в глубине души -- ощущение того, что это в нашей мирской культуре — самое святое, глубинное; что настоящее имя России — это все-таки Пушкин. Хотя сами они при этом и выводили на первое место другие персоналии.

Ни одно другое из обсуждавшихся имен, включая «призовую тройку», не вызывало такого единодушия. Не знаю уж, как это делалось, как определялся рейтинг имен, каким образом из нескольких сотен осталось их двенадцать, насколько все это корректно, но так или иначе в финальный список, состоящий в основном из практических деятелей, каким-то удивительным образом затесались Достоевский и Пушкин.

Почему Достоевский, еще можно понять. Сейчас, когда перед нами такие бездны разверзаются, он особенно современен. А Пушкин ... он, казалось бы, совершенно непонятен в этом ряду царей, политиков, полководцев. Но он все-таки в нем возник! И это говорит о том, что Россия пока еще, на данный момент, остается Россией. Осознающей, каковы её ключевые ценности.

Если настанет момент, когда имя Пушкина на Руси не будет вызывать живого отклика, если он отойдет куда-то на дно сундуков и книгохранилищ, это будет означать, что Россия перестала существовать, что на ее месте находится нечто другое: другая страна, другая культура, другая нация, другая душа. Честно говоря, меня это «нечто» уже очень мало интересует, и не дай Бог дожить до такого.

Надеюсь всё же, этого не будет. Ибо история России — удивительнейшая вещь, с неожиданными, нелогичными поворотами, такими кривыми, которые могут вывести куда угодно, в том числе и «назад (вперед?) к Пушкину». Пути других народов идут по законам человеческой логики; но есть народы, развивающиеся «по верховной логике Провидения. Таков именно наш народ». Это сказано Петром Чаадаевым.

Думаю, «верховная логика Провидения» не даст нам исчезнуть, и соответственно не даст исчезнуть Пушкину. Помимо всего прочего еще и потому, что от бытия страны с названием Россия самым непосредственным

образом зависят судьбы всего мира. От «сердечной области» в организме зависит все. Как бы ни были дурны в разных отношениях Россия и мы, ее обитатели, но благодаря нашей системе ценностей, о которой сказано выше, — это действительно самый глубокий на планете резервуар человеческого духа.

То, что стало происходить в 90-х годах прошлого века, было попыткой изменить — снова вспоминаю Тютчева - - эту «особенную статью» России, измерив ее «общим аршином». Несколько лет назад один очень известный наш государственный деятель и одновременно олигарх сказал, что в России для реформ слишком много населения. Позже видный член Госдумы, тоже очень известный человек, дополнил: народ России для реформ не очень пригоден, «надо менять менталитет». И говорилось это уже, так сказать, по ходу дела, когда, вводя рыночные начала в экономику, их одновременно стали внедрять и в представления об идеалах, о совести, о творческом труде, о любви, в понятия о хорошем и плохом, о черном и белом.

Николай Михайлович Карамзин в одном месте «Истории государства Российского» с болью писал: «Все думали не об Истине, но единственно о пользе». Безусловно, это и про нашу эпоху. Я помню, как в конце 80-х годов один наш философ, выступая по радио, убеждал нас, что истинность и ценность — понятия «мифологические»; что реально существуют лишь цели и способы их достижения. Но ведь это чисто животный подход: у зверей есть и цели, и способы их достижения, однако нет представления о ценностях, о добре и зле.

Сейчас, к сожалению, это внедрилось в нашу идеологию, порой не без успеха работает и приносит чудовищные плоды, уродуя изнутри души российских граждан, независимо от их национальностей, убеждений, вероисповедания. На таком-то фоне и возникали попытки «развенчать» Пушкина, сетования на то, что он слишком уж «распиарен» — в этом, мол, причина его успеха. Предпринимают эти попытки люди, руководствующиеся не идеалами, но целями, не совестью, но корыстью. И мы, общество, почему-то терпимы, «толерантны» по отношению к подобным попыткам.

— Ну, хорошо. Общество — обществом. Разные периоды бывают в его жизни, истории — и духовных взлетов, и падений. Но тревожно, что тенденции духовного падения, одичания сегодня фактически поддерживаются теми властными структурами, которые по предназначению своему просто обязаны им противостоять. Положим, система нашего образования должна, конечно, меняться. Но почему именно сверху она с отупляющей угрюм-бурчеевской прямолинейностью меняется в сторону упрощения, сокращения своей гуманитарной, духовной сердцевины, слепого копирования с чужих оригиналов? Одно повсеместно насаждение ЕГЭ, как когда-то кукурузы, чего стоит! И это оформляется, закрепляется в государственных актах, решениях!

— Этот вопрос мучит меня почти физически. Несколько лет назад при получении Госпремии России в Кремле, в Екатерининском зале, в присутствии Президента РФ, я произнес небольшое слово, в котором пытался объяснить роль высокой культуры и гуманитарной образованности для нашего будущего. Говорил, что это не роскошь, а условие существования России как таковой. Что есть в мире понятие «русские мозги», предполагающее высоту полета, неожиданность поворотов, решений, емкость, масштабность, высокую точку обзора. Природа «русских мозгов» не этнобиологическая, а гуманитарная. Это природа русской культуры (в частности, системы образования). И если мы не будем поддерживать культуру, то распрощаемся и с русскими мозгами. К сожалению, это не вызвало у Президента никакого интереса.

Ну а потом стало происходить что-то совершенно запредельное. Начала осуществляться так называемая «реформа образования». Убежден: то, что свершается нынче под этим «брендом», есть преступление против России. Введение лотереи ЕГЭ; внедрение «болонской системы», сокращающей образование (от нее в Европе то тут, то там уже отказываются); упразднение литературы как базового учебного предмета, вытеснение ее за горизонт национального бытия — все это прямой путь к вырождению науки.

Страшновато мне было читать недавно изданную в МГУ «Белую книгу» о ЕГЭ (готовится вторая — о других аспектах «реформы»). Девять десятых этого сборника материалов — вопль, протест и сопротивление. Открывается книга письмом 2004 года Президенту РФ за 420 подписями — от академиков до учителей. Ответа авторы не получили. Ведь не им поручено решать, что делать со средней и высшей школой, с русской культурой, а — «менеджерам», судящим обо всем лишь с ближайшей «прагматической» точки зрения выгоды (слово «прагматик» нынче комплимент, а когда-то оно было на Руси почти ругательством). Для «прагматического» мышления в принципе не существует стратегии — только ближний интерес. Дальше глядеть ему некогда: нет скорой выгоды.

Замечательный русский мыслитель Иван Александрович Ильин считал: Пушкин был рожден для того, «чтобы создать солнечный центр нашей истории». Не культуры, не литературы, а именно истории. Ни больше, ни

меньше! Но вместе с тем Пушкин и вся русская культура, которая за ним стоит, — еще и солнечное сплетение. И поэтому удар по преподаванию отечественной литературы — это удар под дых России, после которого мы можем и не подняться.

Не могу обвинять людей, которые придумали эту «реформу», в злых намерениях. Они, может, даже думают, будто делают добро и (вспомним Достоевского) «не знают, что безобразничают», -- у них, видимо, какие-то другие представления о добре, другая картина мира. Козьма Прутков говорил: «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий». Так вот, русская культура, её жизненная для России роль в «круг понятий» этих людей не входят.

Пусть они не ведают, что творят, пытаюсь «поменять менталитет» народа, -- всё равно: даже злейший враг не мог бы придумать ничего страшнее продавливаемой сейчас «реформе» образования. Это хуже любого нашествия, любого политического катаклизма», экономического кризиса. Это нейтронная бомба, которая тело не трогает, а душу истребляет.

Если всё это у них получится, то через каких-нибудь два-три десятка лет на месте, где была Россия, возникнет сообщество тупо-«грамотных» потребителей, «прагматичных» невежд и недоумков и одарённых бандитов: нация-урод, рыночно-криминальный вариант общества Великого Инквизитора. Чем выше ценности, которые отвергаются и забываются, тем глубже падение. Угроза эта возникла и растёт. И именно с нас, с наших поколений Бог и история спросят за Россию.

— Прагматический алгоритм нынешних «реформ» в любой области до примитива прост. В каких-то чиновничьих кабинетах рождаются (а то и просто берутся из чужого кармана) какие-то странные, причудливые бюрократические конструкции типа того же ЕГЭ. Потом в «виде эксперимента» их опробуют в 2-3 областях. Потом, по сути, не проанализировав итоги, не вынося результаты на суд специалистов и общественности, объявляют, что эксперимент якобы удался и тиражируют его на всю страну. А если позже оказывается, что идея провалилась, махать после драки кулаками уже поздно. Поезд ушел.

— Получается упорный, по-большевистски глинобитный напор, чисто бюрократическая акция, менеджеры которой не признают никакого общественного мнения, никаких резонансов, кроме тех, которые они сами придумали, и которые им зачем-то сейчас нужны, почему-то сегодня выгодны. Естественно, в их мировосприятии русская культура, русская литература, Пушкин не очень-то вписываются.

- Как говорил знаменитый офтальмолог Святослав Фёдоров, больше всего чиновник боится неуправляемого человека.

- А стало быть, и «русских мозгов». И Пушкина («умнейшего человека в России», как назвал его Николай I).

— И последний вопрос. Так что же Россия отметит завтра, 10 февраля, — 172 года со дня смерти Пушкина? Или со дня его бессмертия?

— Бессмертия, все-таки. Невзирая на все титанические усилия, которые предпринимают чиновники, бюрократы, власть имущие, не имеющие никакого понятия о том, в какой стране они живут, Пушкин и то, что им символизировано, все равно «существует, и ни в зуб ногой», как сказал другой поэт.

Существует пока? Или — навсегда? Вот в чём вопрос, который жизнь и история сейчас перед нами ставят. И это, повторяю, вопрос о судьбах России.

Автор: Беседовал

Ким Смирнов

© Новая газета КУЛЬТУРА, РОССИЯ

👁 6679

10.02.2009, 15:22

URL: <https://babr24.com/?ADE=50708>

Bytes: 20912 / 20912

[Версия для печати](#)

[Скачать PDF](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Беседовал**
Ким Смирнов.

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)

